

Ирина Котова
Валерия Панина

БЕГИ, А ТО ЗАКОЛДУЮ!

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К73

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Яны Кшановской*

Художник-иллюстратор *Антонина Бересклет*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Котова, Ирина; Панина, Валерия

К73 Беги, а то заколдую! : роман / Ирина Котова, Валерия Панина. — Москва : Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 352 с. — (Другие миры).

ISBN 978-5-17-147954-1

Сенсация! Сенсация! Придворный маг уходит в отставку! Вся столица замерла, гадая, кто из его помощников займет это место? Мэтрис Эбигейл Горни или мэтр Натаниэль Вудхаус? Да-да, вы не ошиблись, в состязании сойдутся наследники враждующих фамилий, эльфов Вудхаусов и гномов Горни. Пикантности этой новости добавляют слухи, что наши герои ухитрились разгневать королеву, и посему победитель получит и регалии, и почет, а проигравшему придется отправиться в ссылку. Чем же закончится противостояние двух семейств?

Следите за нашими репортажами! «Вестник Веншица»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147954-1

© И. Котова, В. Панина, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

О ТОМ, ЧТО ПЛАНИРОВАНИЕ — ВЕЩЬ ЗЫБКАЯ

«Сенсация! Сенсация! Придворный маг уходит в отставку!

На его место прочат сразу двух магов, фамилии которых нам хорошо известны из-за вражды их семейств. Итак, смогут ли мэтр Натаниэль Вудхаус и мэтрис Эбигейл Горни забыть о родовой вражде и работать на одной должности на благо королевы? Следите за нашими репортажами!»

Заголовок на первой полосе
«Вестника Вэншица»

— Горни!!!

Нет ничего слаще с утра, чем слышать вопль заклятого соперника, застрявшего в ловушке. Это означает, что Эби не зря кралась посреди ночи на манер гнома в плывуне, не зря обходила сторожевые линии и все сделала правильно. Папенька бы сейчас хлопнул дочку по плечу и одобрительно захохотал.

— Эбигейл Горни!!!

Вышеназванная Эбигейл Горни вышла на крыльцо и удовлетворенно сложила руки на пышной груди. Вопли, ласкающие слух, доносились из двора дома напротив.

В доме этом жил эльф Натаниэль Вудхаус. Красавец с копной белокурых волос, бывший однокурсник, Белоручка и самая невыносимая ироничная заноза. Он же второй помощник придворного мага. Первой себя считала Эбигейл.

Правда, Вудхаус совершенно возмутительно называл первым себя.

Помощники придворного мага жили в домах на окраине дворцового парка, разделенные лишь дорогой, ведущей к месту службы. Королева терпеть не могла толп придворных во дворце, предпочитая в свободное от службы время держать их подальше.

Все дома придворных были однотипны, но маги любили переделывать места обитания под свои вкусы. Именно поэтому жилище Эби смотрелось таким же приземистым и ярким, как она сама: один этаж, зеленые стены, желтые ставни, красная крыша в цвет ее волос, плавильная печь на улице, кузня, сарайчик с металлами и минералами, охраняемый почище покоев королевы.

А дом Вудхауса выглядел как маленький белокаменный дворец, увитый лозой — непрактичные колонны, лепнина, высокие окна, светильники по всему фасаду. Недавно эльф и вовсе украсил дорожку статуями полуобнаженных пышных русалок. Богема, что с него взять. Сейчас в королевстве Эринэтта царило лето, и теплыми вечерами Натаниэль просиживал с гостями под деревьями в креслах или качелях из лозы, играл тонкими пальцами на

гитаре, пел песни — от тягучих эльфийских до похабных оркских — и хлестал вино.

Впрочем, этим он занимался с первого курса магической академии, хотя, по слухам, в эльфийских семьях нравы царили самые чопорные. Видимо, он так отрывался. И, что самое противное, наутро выглядел свежим и ярким, как роза, когда самой Эбигейл достаточно было выпить чуть больше воды на ночь, чтобы с утра казалось, что возлияния были у нее.

После окончания академии Эби получила желанную должность помощника придворного мага. Точнее, получили ее сразу два выпускника. Но один, вот незадача, пропал почти на полгода. Правда, потом вернулся, заняв и второе место помощника, и дом напротив.

Только вселившись, в первую же пьянку Вудхаус заявился к Эбигейл с двумя бутылками вина.

— Горни, — сказал он в своей неподражаемо-высокомерной манере, — я уже здесь и нам с тобой предстоит работать вместе, как бы тебе это ни претило. Предлагаю закопать стрелу войны и наладить отношения, несмотря на все прошлые обиды и противостояние семей. И даже на мою ссылку в деревню Гнилые топи, хотя, признаться, я только недавно перестал хотеть притопить в этих топях тебя. Присоединяйся к нам, — он качнул головой в сторону своего дома, где сидели его дружки и подружки. — Я угощу тебя лучшим эльфийским вином, — и потряс бутылками.

Она, конечно, была бы душой, если бы поверила в это предложение. Во-первых, когда это

Вудхаус отказывался от мести, а во-вторых, пару раз в академии при согласии даже не на примирение — на нейтралитет — ее выставляли посмешищем. Благо крепкий гномий кулак и отличное знание магии — хорошие средства против излишне смешливых.

— Оставь его себе, неженка, я пью только гномий самогон, — Эби хлопнула дверью, едва не отбив великолепный эльфийский нос. А затем, подумав, мстительно наслала на дом новоиспеченного коллеги грозу с градом и молниями. Пока Вудхаус сумел расформировать ее плетение, град побил стекла, бутылки и многочисленных гостей.

На следующее утро на Эбигейл по пути на работу разлезлись штаны, а наковальня стала выводить сладкие эльфийские трели при каждом ударе. И второе было куда хуже первого, потому что довело ее до белого каления.

Так продолжилось их противостояние, которое началось еще в магической академии. А если уж говорить прямо, то много-много раньше. И закончиться должно было именно сегодня.

Именно поэтому одна из грудастых каменных русалок в саду Вудхауса сейчас страстно прижимала хозяина руками к своим пышным персям, обвив его ноги хвостом. Так плотно, что он смог лишь слегка повернуть голову.

— Я тебя убью, — прочитала Эби по его губам и, хмыкнув, поманила соперника к себе ладонью, как боец перед дракой. Натаниэль

было дернулся, но каменная дева сжала объятья крепче.

В академии Ната и Эбигейл опасались ставить друг против друга на занятиях, но с десяток раз они все же валяли друг друга по земле — и, к сожалению Горни, счет был равным.

К Эбигейл полетел рой сердитых пчел: эльфы могли управлять живыми существами одной лишь силой мысли, не шевельнув и пальцем. Но будущая придворный маг королевы (и никак иначе!) махнула рукой, замораживая полосатиков, повисших сердитыми мохнатыми желудями — потом оттают, согреются и полетят по своим делам. И тут же насторожилась — часы на городской ратуше били восемь утра.

Через двадцать минут нужно быть у кабинета придворного мага, магистра Корне лиуса Фрая, который в этот знаменательный день уходил на покой и должен был назвать преемником ее, Эбигейл. А заодно вручить все регалии и амулеты, с которыми она завтра пойдет на прием в свою честь и принесет клятву королеве. Правда, сам почтенный магистр пока не знал, что преемница у него будет только одна, и планировал разделить должность между Горни и Вудхаусом.

Ужасная ошибка наставника, которую, впрочем, легко исправить. Ибо магистр Корнелиус смотрел сквозь пальцы на все: и на ссоры помощников, и на излишнее рвение в работе, и на их соперничество, приговаривая, что из духа противоречия они только лучше работают. Не

терпел он только двух вещей — непрофессионализма и непунктуальности.

— Чудесно смотрите, Нат, — крикнула Эби через плечо, поспешно закрывая дверь своего домика. Перед тем как шагнуть с крыльца, она проверила и дорожку, и окружающий сад на предмет встречных ловушек — не одной же ей могла прийти светлая идея задержать противника, — но ничего не обнаружила и неторопливо, придерживая длинную юбку, пошагала к воротам. В королевстве Эринетта женщины давно имели право носить брюки (а как тут запретишь, когда в стране проживает такая гремучая смесь рас), но сегодня был важный день, и Эби хотелось предстать перед магистром во всей красе.

— Неужели ты думаешь, что если я опоздаю, ты одна получишь должность? — проорал Натаниэль из каменной ложбинки.

Эбигейл улыбку еще шире — дабы он видел, что она в этом абсолютно уверена, — и потянулась к калитке. Но стоило шагнуть за нее, как лоза, увивающая забор, выстрелила в сторону гномки длинными ветвями-усиками, оплетая руки и ноги и растягивая в проеме ворот, как морскую звезду.

— Вот же ж... окалина! — выругалась Эбигейл, слишком поздно заметив хитро замаскированное заклинание. Чересчур сложное, чтобы быть наложенным прямо сейчас. Значит, Белоручка тоже постарался ночью!

— Приятное чувство, да, Эби? — Натаниэль тонко улыбался, возложив кудрявую голову на одно из двух пышных каменных полушарий.

— Чтоб тебе кирка на палец упала, — рывкнула леди Горни, безуспешно дрыгая ногами.

— Обожаю твои гномские ругательства, — заметил эльф. Им приходилось повышать голос, чтобы докричаться друг до друга через дорогу.

— Чтоб твое зубило всегда мимо било! — не разочаровала его Эби.

— Давай оставим в покое мое зубило, — протянул Вудхаус насмешливо. — Да не дергайся, Горни, чем больше дергаешься, тем больше они стягиваются. Кстати, как ты смогла попасть на мою территорию? И перенастроить охранниц? Это все ваше гномье повеление камнем? Но я ведь все защитил от чужих чар!

— Так я тебе и рассказала, — хмыкнула она. Но Натаниэль уже смотрел куда-то в сторону.

— О, приветствую вас, милые дамы. Какая прелестная у вас форма.

— Здравствуйте, — поздоровалась Эби, делая вид, что просто так тут висит, для развлечения.

Мимо них, хихикая, торопились к дворцу молоденькие поварихи, гоблинши и людинки, чтобы заступить на дневную смену. Следом величаво шествовала главная кухарка, орка мейсис Лизабэта. Она с неодобрением повернула клыкастую голову сначала направо — Эби сделала еще более независимый вид, — затем налево. Вудхаус улыбнулся.

— А у вас самая прелестная форма из всех, мейсис.

— Когда уже вам надоест, — укоризненно покачала головой кухарка и неторопливо двинулась дальше.

— Никогда! — ответили они хором. Эбигейл скривилась. Драгоценное время уходило.

— Ну что, — позвала она, морщась. — У нас позиционная ничья, Белоручка. Предлагаю мировую на это утро.

— Снимаем заклинание на счет три? — уточнил эльф деловито.

— Договорились. Раз, — сказала Эбигейл. — Два. Три! — она деактивировала заклинание на русалке, и Натаниэль со стоном повалился на землю. Однако лоза продолжала держать Эби за руки и ноги.

— Ты ничего не забыл? — крикнула гномка.

— Ты о чем? — невинно спросил эльф и поковылял, подволакивая ногу, к калитке. Видимо, русалка сжала одну из великолепных лодыжек слишком сильно.

— Вудхаус! — Эби добавила в голос угрозы. — Если ты сейчас же меня не отпустишь, я тебе кости раздроблю на наковальне! И зубы клещами вырву!

— Надо было тебе и рот завязать, — откликнулся он сожалеюще, ковыляя мимо, в сторону дворца. Затем остановился, спохватился, хлопнув со смешком себя по лбу, и прошептал целебное Слово. А после легко пошагал занимать ее, Эбигейл, должность, отразив проклятье, которое она послала ему вслед.

— Поверить не могу, что попалась, — прошипела она, пытаясь вывернуться. Лоза затягивалась туже.

«Дщерь моя, — вспомнила Эби наставительный бас отца, — слушай папу, папа плохого не

посоветует. Запомни, гномы никуда не торопятся и не суетятся. Безвыходных ситуаций не бывает — главное-таки вовремя остановиться, успокоиться и подумать».

Она, как послушная дочь, перестала дергаться и подняла глаза к небу. Там решения не нашлось. Тогда она опустила взгляд к земле — и просветлела.

Следующие минуты три Эби, засунув злость и страх опоздать поглубже, аккуратно растила из булыжников, которыми была выложена дорожка, два тонких каменных клинка. Ноги удалось освободить быстро. Вудхаус давно скрылся из вида и уже, скорее всего, входил во дворец, когда клинки достигли лозы, опутавшей руки, и перерезали и ее.

Надо бежать, иначе она точно не успеет. Эбигейл шагнула вперед, но ноги запутались в длинной юбке. И нужно же было надеть ее сегодня! Времени переодеться не оставалось, и леди Горни, задрав юбку, одним движением рук, натренированных работой в кузне, оборвала ее выше колен. Сильно выше, если уж честно, но это было случайно-нервное.

Склонив голову на манер разъяренного быка, Эбигейл помчалась к дворцу.

Глава 2

О ТОМ, КАК МОЖНО ЗАИГРАТЬСЯ И ПРОИГРАТЬ

«Наш источник во дворце сообщает, что сегодня избранная публика имела возможность полюбоваться весьма смелым нарядом мэтрис Эбигейл Горни.

А поскольку в этом сезоне мужчины носят экстремально узкие брюки, и мэтр Натаниэль Вудхаус неизменно следует моде, смеем вас заверить, что магические дела королевства находятся не только в надежных руках, но и прочно стоят на красивых ногах любого из двух магов».

Еженедельник «Мода и красота»

Ее величество Миррэй Вторая в свои пятьдесят пять была королевой строгой, но справедливой, не лишенной воспитательного рвения и несколько своеобразного чувства юмора. Двое принцев сейчас проходили службу в королевских войсках далеко от столицы, супруг скончался несколько лет назад, оставив королеву на троне, страна процветала, правительницу льстиво величали Матерью Эринетты и Кормилицей. В общем, скука была смертная.

Немного оживил настроение ее величества предстоящий уход придворного мага. Королева

терпеть не могла, когда у людей и нелюдей, к которым она была привязана, обнаруживались еще какие-то интересы, кроме государственных. Именно поэтому она с утра прошла тайным ходом (так было быстрее) в кабинет магистра.

— Я все еще не понимаю, почему я должна привыкать к новым лицам, Корнелиус, — нарочито сварливо говорила она, сидя за столом верноподданного и аккуратно пригубливая чарочку вина. Королева считала, что красное мельтийское после завтрака придает румянца щекам и задора характеру.

В предках Миррей были преимущественно люди, но аристократы других рас там тоже потоптались, хотя, скорее, полежали, оставив потомству память о себе. Особенно постарались орки, передав по наследству светлую кожу слегка зеленоватого оттенка и сделав нижнюю челюсть заметнее, а нижние клыки — побольше обычных. Глаза у ее величества были серые, волосы светлые — в кого-то из эльфийских пращуров, фигура сухощавой и высокой, так что немного краски на щеках ей действительно не вредило.

Тем более что, по меткому замечанию какого-то стихоплета, пожелавшего остаться неизвестным, румянец на щеках королевы прелестью своей напоминал нежные розы на весенней листве. Миррей даже сохранила это посвящение, так ее позабавили неловкие, но очень красочные метафоры.

А вот задора ей и без вина хватало. Например, ее величество любила тайные ходы не

только за скорость передвижения, но и за то, что можно было, например, незаметно пройти в свой кабинет — и попивать вино, наблюдая в большом магическом визоре, а иначе хрустальном шаре, как ведут себя посетители в приёмной. Визоры настраивались на одно помещение или несколько и были превосходной системой слежения, а также использовались для общения, передачи новостей, театральных представлений и концертов. Такой же визор был установлен и на столе Корнелиуса.

— Не такие уж лица Горни и Вудхауса и новые, ваше величество, — терпеливо, но упрямо отвечал придворный маг, тоже по настоянию королевы греющий в ладони чашу с вином. — Вы их уже третью весну имеете удовольствие лицезреть. Поделите обязанности, будет у вас два молодых придворных мага вместо одного старика.

— Ты младше меня на три года, — сухо напомнила королева.

— Вы с годами становитесь только прекраснее, — ушел с зыбкой почвы магистр. — А вот я уже весь седой, — и магистр Корнелиус потер по-армейски гладко выбритый подбородок, словно надеялся найти там седую бороду, а затем коснулся черных как смоль волос.

— Я все еще воспринимаю твое увольнение как блажь, — сурово продолжила Миррей. — Как жаль, что я не так сумасбродна, как мои предки. Может, кинуть тебя в темницу, пока ты не одумаешься, Корнелиус?

— Как пожелаете, ваше величество, — улыбаясь, склонил голову магистр.

— Увы, я просвещенный монарх, — вздохнула Миррей и требовательно постучала по чаше, чтобы Корнелиус подлил вина. — Вечера открыть железную дорогу, позавчера — посетить завод по сбору паромобилей, а сегодня бросить соратника в тюрьму — это дурной тон.

— Я очень ценю это, ваше величество, — поддакнул магистр и охотно наполнил чашу.

— Но я требую объявить мне истинную причину твоего увольнения. Пока я не услышала ни одной, кроме твоей предполагаемой дряхлости. Которая не мешает тебе каждое утро на полянке перед дворцом сидеть, сплетя ноги...

— Медитировать, ваше величество.

— Скручиваться кренделем так, что можешь укусить себя за...

— Я понял, ваше величество. Это синская гимнастика. Поза собаки, у которой чешется хвост.

Королева с каменным выражением лица выпила половину чаши.

— На дряхлую собаку ты не похож, — резюмировала она. — Так каковы истинные причины?

— Причины личные, — Корнелиус любовался, как на щеках королевы расцветает румянец, поколебался и одним махом закинул в себя остатки вина. — Я ведь жениться хотел, ваше величество. Но, увы, не выйдет. Хочу залечить разбитое сердце.

— О, — она оживилась. — Жениться — это любопытно. На ком?

— На самой прекрасной женщине в мире, — грустно ответил магистр и покосился на бутылку.

— Неужели я лицезрею тебя влюбленным? — с азартом сверкнула глазами королева. — Я уж, грешным делом, думала, что придворные бездельники правы и у тебя какая-то личная травма.

— Какая травма? — несколько нервно отреагировал Корнелиус.

— Личная, — королева говоряще подняла брови. — Версий несколько. Первая сплетня звучит так — возможно, какое-то из побежденных тобой чудищ щелк пастью... и все. Нет больше верного клинка...

— Клинка? — непонимающе повторил маг.

— Ну, жеребца, Корнелиус, — вновь поиграла бровями ее величество, в крови которой задор наконец-то достиг нужной концентрации. — Прибора, который некоторые мои придворные кладут на свои обязанности.

— Ваше величество! — еще более нервно возмутился магистр. — Все у меня в порядке и с клинками, и с жеребцами, и с приборами! Все наточено, тьфу, работает, прости Пряха, как в юности! И при всем почтении, мои возможные травмы — мое дело.

— Травмы моего придворного мага — это государственное дело, — торжественно возразила королева. — Хочешь выслушать вторую сплетню?

— Не хочу, но придется, — проворчал магистр, немного успокоившись.

— Говорят, что ты играешь за другую лигу. Я сама, признаться, так думала последние годы. И не только я — зря ты все-таки главного виночерпия превратил в осьминога. Ну, сделал он тебе предложение... в осьминога-то зачем?

— Всего на полгода, — буркнул Корнелиус.

— Да, с восемью щупальцами ему даже ловчее пиры обслуживать, — согласилась королева и задумчиво потрогала языком нижний клычок, — и вино из запасов перестало пропадать. Да и гости меньше пьют от испуга, опять же экономия. Может, оставить его так?.. Но, — спохватилась она, — все же я ни разу не видела тебя с женщиной. Право слово, Корнелиус, ты преподаватель, бывший ректор, боевой маг, герой, наград целая грудь. Да за твои плечи можно женские бои устраивать, как в Оркском каганате, — глаза ее на миг блеснули боевым азартом прабабки-принцессы из Каганата, словно королева всерьез задумалась над этой идеей и нехотя отмела ее. — А ты с женщинами застенчив, как мой почивший супруг с пятой бутылкой. Ты даже на меня украдкой не поглядываешь, а я ведь прелестна.

— Несомненно так, ваше величество, — вполне искренне промямлил маг, с тревогой глядя на убывающее вино в бутылке. — Я просто много работаю и предпочитаю не афишировать свои увлечения.

— А кто невеста? — словно невзначай поинтересовалась королева. — Почему жениться-то не выйдет?

— Невесты у меня нет, ваше величество, ибо дама не в курсе и за меня замуж не пойдет, — проигнорировал суть вопроса магистр.

— Я прикажу ей выйти за тебя! — непрекаемо заявила Миррей.

— Никак не возможно, ваше величество, — еще более помрачнел магистр. — Она связана долгом.

— Замужем? Тогда действительно не выйдет. А дети есть?

— Двое. Взрослые уже мальчики.

— О, как у меня, — обрадовалась королева. — Как же тебе помочь? Разве что муж у нее негодяй?

— Нет, — покачал головой Корнелиус. — Муж у нее б... добродушный, слегка ленивый, любитель детей, охоты и выпить.

— Прямо как мой Густав, светлая ему память, — расчувствовалась королева. — Значит, дама твоя обременена долгом.

— И слепа, — заключил Корнелиус, пристально глядя на правительницу.

— Еще и калека, — посочувствовала ее величество, уже думая о чем-то своем. И с понимающей улыбкой протянула магистру руку через стол. — Я понимаю тебя, мой друг. И больше не сержусь. Тебе нужно отвлечься. Развеяться. Вылечить сердце, — она погладила его пальцы и поднялась. Магистр тяжело вздохнул. — Уезжай, но знай, что твои покои никто не займет, и ты всегда можешь вернуться. А теперь мне пора. Жду завтра на прием и клятву твоих оболтусов. Надеюсь, они будут

хотя бы вполовину так же верны и полезны, как ты.

— Они еще и талантливы, ваше величество.

— В их талантах я не сомневаюсь и много раз наблюдала их в действии. Но я согласилась иметь их подле себя еще и потому, что они так нелепо смотрятся рядом, что это даже забавно, — усмехнулась Миррей. — А еще развлекают меня своим противостоянием, как и их семьи. Главное, чтобы не увлекались.

В этот момент в приемной что-то гроыхнуло, стукнуло о двери в кабинет. Раздались крики, из-под створок потянуло холодом.

Корнелиус поднял глаза к потолку и выругался. Королева же невозмутимо стянула накидку с закрытого доселе магического визора.

— Кажется, мое пожелание не увлекаться запоздало, — заметила она, разглядев то, что творится в приемной. — Хотела бы я надеяться, что это злодеи пришли меня свергать, неведомым образом узнав, что я у тебя. Ан нет, это два моих будущих придворных мага, одни из первых лиц страны, прямо перед назначением выясняют отношения. И часто это тут происходит?

Корнелиус вздохнул и распахнул двери.

Несколькими минутами ранее Эбигейл Горни влетела в приемную магистра. Вудхаус смиренно восседал на кресле подле открытого окна. Ягненочек, а не подоночек!

— Ждите назначенного времени, — скрипуче и сучно повелела бессменная секретарь

Корнелиуса, мейсис Джонсон. Окинула взглядом короткую рваную юбку Эби, поджала губы и склонилась над бумагами. Нужно было прочитать и рассортировать прошения к магам от всех служб дворца.

Но даже будь она личным драконом магистра, не смогла бы остановить гнома на тропе мести.

— У тебя, оказывается, отличные ножки, Подковка, — заинтересованно оглядел гномку Вудхаус. — Плотноваты. Но какой рельеф! А я-то думал, что они кривые, как твои боевые заклинания...

Эбигейл прямо с порога махнула рукой, и эльфа вместе с креслом выбросило в окно, далеко за деревья. Мейсис Джонсон, склонившись над бумагами, ничего не заметила — возможно, потому, что привыкла к постоянным стычкам этих двоих. Но скорее из-за того, что была глуховата от старости — магистр держал ее из сентиментальных побуждений.

Эби чинно прошла ближе к двери и села на кресло, поспешно запуская ремонтное заклинание и молясь, чтобы магистр вызвал ее после того, как платье приобретет нормальный вид, но до того, как вернется Вудхаус. Но ей не повезло — эльф, лишь слегка взъерошенный, невозмутимо зашел обратно в дверь.

— Ну ты и зараза, Киянка, — даже как-то устало сказал он. Почесал острое ухо, сделал обманное движение, будто собирается кинуть на нее заклинание-клетку, а затем, когда она среагировала, чтобы отбить — заставил подло-

котники кресла сомкнуться у нее под грудью, надежно фиксируя... А потом кресло встало на дыбы, словно взбесившаяся лошадь, и буйно, шарахаясь из угла в угол и пугая придворных, поскакало из приемной сквозь распахнувшиеся двери по коридору к выходу. Эбигейл, ругаясь, делала пассы руками, но кресло только скачками несло быстрее, словно получая хлыстом по крупу.

Натаниель брезгливо почесал щеку и потер испачканные руки одну о другую — у него, как у любой творческой личности, были фобии. Например, прикосновение к пыли и грязи вызывало ступор, страх и необоримое желание почестаться и вымыться. Прислушался — в глубине дворца раздался грохот — вздохнул и быстро очистил руки заклинанием. Предусмотрительно поставил на секретарскую полог тишины, чтобы не привлекать внимание охраны, а на себя — защиту от всех видов атакующих заклинаний. И на всякий случай — от физического урона, ибо кулаком малявка Эби била, как кувалдой.

Секретарь подняла голову, недоуменно огляделась, посмотрела на часы, которые показывали восемь часов пятнадцать минут.

— А где леди Горни? — недовольно осведомилась она.

— Ушла попудрить носик, — вежливо проорал Вудхаус, и мейсис Джонсон, кивнув, снова опустила голову к бумагам.

Грохот повторился, двери распахнулись — Горни, сжимая в руках два вырванных подло-

котника кресла, сделанного из цельного дуба, сначала швырнула ими в эльфа, а затем с боевым гномским кличем «Эхху-так-так!» бросилась на противника.

Мейсис Джонсон писала, а секретарская превращалась в развалины. Вот отлетел от удара воздушным кулаком Вудхаус, ударившись спиной о двери кабинета, вот приморозилась к потолку Эбигейл. Секретарь только чихнула, недовольно поежилась и продолжила писать. Глухота — лучший полог тишины, знаете ли.

Пахнуло жаром, а из стен стали выпрыгивать камни и стрелять по эльфу, как по утке в полете. Натаниэль соответствовал — прыгал туда-сюда, ухитряясь отбивать их обратно и пытаясь воззвать к разуму разъяренной противницы. Впрочем, это было невозможно: гномы легко распались и с большим трудом возвращались к спокойствию. В отличие от эльфов, которые даже в драке были невозмутимы и сохраняли рассудок.

— Горни, — уговаривал он, — остановись! Сейчас придет магистр, и нас обоих выгонят со службы!

— Ну и пусть, — пыхла гномка, раскручивая в руке огненный шар, — зато я больше не увижу твоей слащавой физиономии!

— Наши семьи будут опозорены!

— А ты думал об этом, когда оставлял меня в лозе?

Столкнулись два воздушных кулака, рухнула люстра.

— А ты — когда ставила ловушку на русалку?

— Это была превентивная мера! — крикнула Эби, отбиваясь. — Я знала, что ты захочешь меня остановить! Разве не ты, чтобы стать первым, поставил мне подножку, когда я сдавала полосу препятствий на экзамене на пятом курсе?

— Это была случайность, — высокомерно огрызнулся Натаниэль. — Сейчас же я подозревал, что ты ночью подстроишь гадость — разве не ты подменила мое распределение во дворец? Я полгода отпахал в деревне Гнилые топи, пока Корнелиус не разобрался!

— Не я, а отец без моего ведома, — зашипела Эбигейл. — В любом случае я была лучшей на курсе! Я сидела и училась, пока ты гулял и пил!

— А ты завидуешь, что я талантливее и мне все давалось легко? И не нужно было высиживать знания задницей, как тебе?

— Это называется усердие! — фыркнула Эби. — И поэтому я должна быть тут единственной помощницей! Но один Белоручка поплакался папочке, и впервые за сотни лет во дворец распределили двух выпускников!

— Ты прекрасно знаешь, что это не так, — ледяным тоном отозвался Натаниэль, уворачиваясь от удара. — Я был вторым на курсе после тебя, и только из-за непереносимости некромагии. У нас разница в одну десятую балла. Папа тут ни при чем. И не называй меня Белоручкой, Шестеренка.

— Ты назвал меня землеройкой на первом курсе!

— Я был пьян, а ты порвала мне штаны.

— Потому что вы достали залезать по моему окну к своим пассиям!

— О, Пряха! Все Горни — мнительные и психованные.

— Все Вудхаусы — подлые негодяи!

Глава 3

О ТОМ, ЧТО ЗА СОПЕРНИЧЕСТВО НУЖНО ПЛАТИТЬ

«Весь магический мир замер в ожидании перемен. Стабильность и мощь, олицетворением которых является мэтр Корнелиус Фрай, уходят в прошлое. На смену им приходят хаос и разрушение. Имена их, увы, всем хорошо известны».

Из передовицы газеты «Магическая правда»

Вудхаус покосился куда-то и замолчал. И Эби, развернувшись, замолчала тоже, комкая в руках шипящий огненный шар.

А затем склонилась в поклоне рядом с противником.

В наступившей тишине осыпалась штукатурка и особенно громко был слышен скрип пера секретаря по бумаге. Она голову так и не подняла.

— И часто это здесь происходит, магистр? — ледяным голосом поинтересовалась королева.

— Нет, что вы, ваше величество, — очень фальшиво попытался оправдаться Корнелиус. — Первый раз, мои помощники переволновались...

— Мне очевидно, что эти двое не могут работать вместе! — прервала его правительница.

— Но в стране нет магов сильнее, — напомнил Корнелиус, взглядом обещая помощникам веселую жизнь. Его отставка на глазах растворялась.

— Боюсь, если я отдам им обоим должность, то через неделю и страны не будет, — королева еще раз гневно осмотрела приемную. — Придворный маг — это одно из первых лиц страны. Он не может вести себя, как идиот или младенец! Он должен вести себя... как вы, магистр.

— Да, ваше величество, — смиренно ответил маг. Провинившиеся напряженно молчали, осознавая, что натворили.

— Фактически, — еще суше проговорила Миррей, — их поведение можно расценить как покушение на мое величество. Неисполнение своих обязанностей по защите королевы. И пусть они не знали, что я здесь, это не оправдание! Я задаю вопрос — а не было ли это предумышленным покушением? Может, семьи Вудхаус и Горни сговорились?

— Ваше величество! — умоляюще воскликнула Эби. — Секиры Горни сотни лет защищают Эринетту от врагов!

— А Вудхаусы тысячу лет верны Эринетте и питают ее поля, — ревниво, но почтительно вмешался Натаниэль.

— Молчать! — повелела королева.

Магистр с сомнением покачал головой, глядя на ниже опустивших головы помощников, которых он знал еще по магической академии, где успевал вести курс боевой магии. Собственно, он и настоял, чтобы оба отпрыска самых родови-

тых семейств Эринетты стали его помощниками. И чтобы жили при дворце, вне постоянного влияния своих семей, тоже устроил он. Магистр очень удивился, когда в первый день Эбигейл Горни явилась одна, а от Вудхаусов пришло письмо, что их сыну должность не нужна, он уехал в родовое лесное поместье и вернется через несколько лет. Хорошо, что вышло разобраться. Плохо, что не вышло помирить их за два года.

— Что вы скажете, магистр? — поинтересовалась Миррей. — Казнить обоих? Отправить в ссылку — принимая во внимание заслуги семей? Посадить в подземную тюрьму?

Вудхаус дернул плечами.

— Или сослать чистить конюшни?

Теперь уже вздрогнула Горни.

— Они просто слишком эмоциональные молодые люди... эмоции заставили их совершить глупость, — проговорил Корнелиус, взглядом отправляя помощничков на корм крококустам.

— И пока не поумнеют, не могут быть придворными магами, — отрезала королева, выжидающе уставившись на магистра. — Не думайте, что я не слышала о прошлых выплесках эмоций этих... молодых людей. Они были даже забавны. До поры до времени, пока не превратились в глупость.

— Так может... вы вашей милостью можете им поумнеть? — неуверенно попытался угадать маг, и по одобрительной улыбке понял — угадал.

— Не знаю, — холодно произнесла Миррей, — стоит ли давать им шанс и тратить на них моё время и мою милость.

— Пожалуйста, ваше величество, — горько вздохнула Эби. — Я прошу прощения!

Вудхаус склонился еще ниже.

— Я очень виноват, ваше величество...

— Ну хорошо, — величественно решила королева. — Ваше возмутительное поведение показало, что придворным магом может быть только один из вас. Вы не способны работать вместе. Мы устроим испытания! Вот вам мое решение: до завтрашнего приема каждый из вас должен придумать другому самое тяжелое задание из возможных, при условии, что оно принесет пользу государству. Каждый из вас пройдет предложенное другим испытание, и если вы справитесь оба — завершим ваше соревнование публичной магической дуэлью на королевской арене. Порадуем народ и газетчиков. Кто победит, тот и останется во дворце, а второй должен будет уехать из столицы. Сейчас же велю подготовить приказ и изменить регламент завтрашнего приема: на нем я повторю все это для прессы. А теперь, — королева обратилась к провинившимся, — прочь с глаз моих, пока я не передумала! Ну а ваша отставка, Корнелиус, — усмехнулась она, — откладывается.

* * *

— Может, нужно было все же сослать, для вразумления? — задумчиво проговорила королева, когда отпрыски двух могущественнейших

семей королевства поспешно скрылись из приёмной.

— Сослать всегда успеете, ваше величество, — напомнил магистр.

— Это да, — согласилась Миррей. — А пока повеселимся.

* * *

Как и в любом мужском клубе, в «Королевской перчатке» пили огненный брэннвин, говорили о политике, женщинах и ставках. С тех пор, как прадед почившего короля Густава, его величество Коламбá и отменил рыцарские поединки и запретил дуэли — кроме магических, — благородным лердам не оставили иной, кроме пари, возможности показать свою доблесть.

Такой повод, как магический поединок между отпрысками Вудхауса и Горни, да ещё и место придворного мага в качестве приза, вызвал небывалое оживление и даже ажиотаж среди завсегдатаев. Сами Горни и Вудхаусы были членами разных клубов, а «Перчатка» считалась нейтральной территорией для аристократов всех рас, и поэтому перед клубом стояли десятки карет, а также только-только появившихся паромобилей, верховых эльфийских лошадей и оркских ящеров, в том числе крылатых. Оборотни были сами себе транспортным средством и предпочитали прибегать на своих четырех.

Лерд Рíгби, бессмертный, нет-нет, бессменный президент клуба — впрочем, бессмертный тоже прекрасно бы подошло, поскольку никто не

знал, сколько ему лет — торжественно объявил, опираясь на свой столь же древний стол:

— Досточтимые лерды! Я буду немногословен. Мне одному из первых в королевстве стало известно: место магистра Фрая займет только один из кандидатов, а не оба помощника, как планировалось. Итак, лерд Натаниэль Вудхаус и леди Эбигейл Горни! Для меня совершенно ясно, что выбор очевиден, — он покхекал с тонкой улыбкой опытного царедворца.

— Да! — подтвердил гном-лерд Мапонус так убедительно, что окружающим показалось, что прямо в зале выстрелила пушка. — Да здравствует малышка Эби — следующая магистресса Эринетты!

Высокий, тонкий, как виселица, и такой же обаятельный эльф-лерд Холлбджорн презрительно хмыкнул.

— Магистр Эринетты — девица, да ещё... — он не успел договорить, как лерд Мапонус грохнул сапогами, вскакивая из кресла.

— Ты! Не хочешь ли ты сказать что-то дурное про леди Эбигейл, мою близкую родственницу, дочь четырехродного кузена моей жены по дядиной линии? Или ты, лерд эльф, имеешь что-то против всего гномьего племени? — судя по тону, достойный гном нисколько в этом не сомневался.

Затевалась знатная потасовка, и лерды тут же ставили на вероятность потасовки, победу одной из сторон, ничью.

Лерд Холлбджорн полюбовался своими острыми, как у всех эльфов, ногтями, незамеченными помощниками в драках.

— Я хочу только сказать, любезный лерд Мапонус, — скучающе протянул он, — что лерд Натаниэль, сын высокопородного Триггвиэля Вудхауса, превосходит Эбигейл Горни в мастерстве так же, как любой самый низкорослый эльф в росте превосходит самого высокого гнома...

Гном, которому треклятый эльф наступил на две мозоли сразу, нашарил секиру и не метнул её только потому, что за этим следовало исключение из клуба.

— Если в чём эльфы и превосходят гномов, то только в подлости, хитрости и тупом высокомерии!

Если бы лерд Холлбджорн мог проткнуть оппонента взглядом, гном походил бы на дуршлаг, у которого внезапно выросла борода. Но вытащить клинок эльф не решился, опять-таки из-за нежелания оставить клуб навсегда.

— Лерды, лерды, — прошуршал Ригби, с удовольствием оглядывая две противостоящие в прямом смысле слова партии: вокруг противников сплоченно встали эльфы, гномы и сочувствующие той или иной стороне люди и аристократические представители других рас, коих в Эринетте проживало немерено. — Прошу вас соблюдать правила клуба, — он поднял руку и без всякого перехода провозгласил: — Ставлю пять эрингов на Вудхауса и пять эрингов на Горни!

Какое-то время собрание напоминало лягушачье болото по весне — все орали, выли, рычали (в зависимости от расы) и надувались спесью. Двое слуг обходили лердов со старыми винными

мехами, в которые по традиции опускали деньги, и споро записывали ставки на свиной коже — считалось, что записанные именно на ней ставки непременно выигрывали. То, что все ставки писались на свиной коже, а выигрывали, разумеется, не все, признавалось несущественным.

— Десять тысяч эрингов на Вудхауса, конечно, — высокомерно объявил лерд Холлбджорн, опуская деньги в мех. По залу пробежал сдержанный гул — на такую сумму можно было купить неплохой особняк в пригороде.

Лерд Мапонус швырнул слуге кошель и объявил:

— Тридцать тысяч эрингов на Горни! — и ехидно припечатал: — Не слишком-то ты уверен в своём блондинчике, раз ставишь такие гроши!

Не успел налившийся кровью Холлбджорн что-либо сказать, как слуга по молниеносному знаку Ригби выкрикнул фальцетом:

— Ставки сделаны! Ставок больше нет!

Удачные, как все надеялись, ставки запивали брэннвином, заранее торжествуяще глядя на противную сторону.

Следует сказать, что Эринетта была не самым большим, но и далеко не самым малым и последним по значимости государством в мире. Страна была окружена множеством соседей — в одних сосуществовали разные расы, другие были почти мононациональны. Среди последних можно упомянуть русалочью Перло-

вицу у морской границы, Оркский каганат на востоке, гномский Минагор и Весницу оборотней с севера и эльфийскую Чашу на западе. В Эринетте же люди, гномы и эльфы, прочие расы, а тем более их потомки, жили мирно и в разной степени счастливо. В столице, Веншице, так и вовсе никто не обращал внимания на клыки или хвосты, был бы человек хороший. Вражда между Вудхаусами и Горни проистекала вовсе не из-за их происхождения, а по вполне материальной причине.

Лет четыреста тому назад далёкие предки нынешних лердов были учениками у одного дракона. Драконы, сейчас то ли вымершие, то ли куда-то удалившиеся, тогда были повсеместно распространены, поскольку были весьма плодовиты, если удавалось похитить принцессу, конечно. С простолюдинками или купеческими дочками это племя почему-то размножаться не спешило. (Злые языки говорили, это потому что короли всегда имеют монополию на чеканку золотой монеты, а это единственное, ради чего стоит иметь дело с женщинами не своей расы.)

Но как бы то ни было, драконы слыли знатоками руд и первыми среди разумных существ научились плавить металлы в жерлах действующих вулканов. Кроме того, они владели магией, пусть не похожей на ту, что подвластна обычным магам, и могли научить имеющих способности основам колдовства.

Именно Виаэль Вудхаус и Грагор Горни, пройдя обучение у дракона и вернувшись

в Веншиц, создали магический визор. Горни изобрёл специальный сплав, которым покрывали придуманные им шары, выдуваемые из стекла особого состава, а Вудхаус вплёл в них магические формулы и наложил знаки, без которых эти шары были просто блестящими побрякушками. По крайней мере, именно так Вудхаус объяснил то, что подал в Патентное бюро заявку только со своей фамилией, — хотя ходили слухи, что его заставили на Совете эльфов, дабы принести эльфийским родам больше власти. Но в этом лерд, конечно же, признаться не мог. Хотя и пытался после этого поговорить с другом.

Однако Горни его не пустил на порог, а через несколько дней семейная теплица Вудхаусов с тысячелетней розой, подаренной роду Матерью Эльфов, была разрушена поднявшимися из-под земли валунами. Это было жесточайшее оскорбление, но Горни на этом не остановился: он во всеуслышание предложил бывшему другу использовать в качестве носителя лужёные кастрюли и котелки, раз его шары только блестящие побрякушки, и подал в Высокий королевский суд иск.

Тяжба длилась полтора столетия, кормила три поколения двух семейств адвокатов и закончилась позиционной ничьей. Материальная основа и магическое наполнение были признаны неотъемлемыми частями единого целого, и каждый из претендентов получил право на половину дохода от каждого пущенного в оборот визора. Это уравнило доходы семейств, но не погасило вражду между ними ни на горчичное

зёрнышко. Горни считали себя пострадавшими от коварства и вероломства, а Вудхаусы были уверены, что их достижения и вклад в магическую науку не были оценены по достоинству и в прямом, и в переносном смысле.

Еще одним неприятным последствием давнего раздора стало проклятие учителя-дракона. В обеих семьях знали, что предки в желании доказать свою правоту и вытребовать наказание для бывшего друга почти одновременно добрались до пещеры наставника. А дракон, выслушав их, прошипел несколько ругательств из тех, которые не включают в семейные легенды, рассказываемые младым потомкам, а затем добавил:

— Я плохой учитель, если политические и семейные обязательства, — он посмотрел на высокомерно выпрямившегося Вудхауса, — а также гонор и гордость, — он глянул на готового броситься в драку Горни, — оказались важнее для вас, чем дружба и те годы, которые вы провели вместе за одним делом, разделяя и кров, и хлеб, и ненастье, и мой скверный характер. Придется исправлять. Слушайте: в ваших семьях отныне будет рождаться не больше одного ребенка. До тех пор, пока и тень вражды не исчезнет. И никто из вас или ваших потомков не сможет уничтожить противника ни своими, ни чужими руками. А теперь — прочь!

Бывшие друзья за мгновение оказались в столице, успели еще раз поругаться и обвинить друг друга в проклятии — и разошлись в разные стороны.

Само собой, с тех пор единственные дети в обеих династиях воспитывались в духе абсолютной непримиримости. С пелёнок в отпрысков, фигурально выражаясь, вколачивалось понятие превосходства Вудхаусов над Горни в чём бы то ни было, и верховенство Горни над Вудхаусами во всём на свете. Доходило дело и до легендарных случаев.

Лет сто назад лерд Долэйх Горни и лерд Конриэль Вудхаус в недобрый час встретились в трактире на перекрёстке на полдороге в столицу. Местный дух-брыки был, видно, в дурном настроении, раз свёл лердов за одним столом. Говорят, это был самый эпичный спор и самая долгая попойка за всю историю королевства, а столу в том трактире до сих пор уважительно кланяются местные пьяницы.

Лерды спорили о достоинствах своих леди, высоте замков и обширности земель, конских статях, чистоте породы охотничьих собак и длине... кинжалов, кинжалов, разумеется. Удивительно, но благородные лерды не спорили о собственном уме. Впрочем, если учесть, что они под конец держали пари, кто больше выпьет, и одного унесли в ближайший лазарет с заворотом кишок, а второй впал в беспамятство и довольно долго называл себя королём Людовиком, к счастью, покойным, это вовсе не странно.

Даже дома двух семейств стояли по обе стороны Венщицкой ратуши, которая была построена в конце длинного Парадного проспекта, упирающегося в королевский дворец. Сады владений Горни и Вудхаусов огибали ратушу

и почти смыкались позади, разделенные лишь узкой старой улочкой. А парадные ограды выпирали на круглую площадь, как два надувших зобы голубя. В своё время за такое нарушение бургомистр взыскал с лердов консоляцию, то бишь штраф и ущерб, и Горни гордились, что она была на десять эрингов больше, чем уплаченная Вудхаусами.

Глава 4

О ВОЕННЫХ ХИТРОСТЯХ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

«...ставки принимаются 11:8, что однозначно говорит о том, каковы шансы каждого из кандидатов. Нет, я не считаю возможным уточнять, на чью победу коэффициент больше».

Из интервью лерда Холлбджорна
«Биржевому листку»

В этот вечер в упомянутых домах проходили почти военные совещания.

Флóин Горни, добродушный, широкий, будто крепостные ворота, как и полагалось потомку почтенной гномьей фамилии, такой же красно-волосый, как дочь, восседал во главе основательного и длинного, всем своим видом хлебо-сольного стола. На столешнице теснились блюда с жареными поросятами и окороками, колбасы громоздились подобно стогам, запечённые гуси, фазаны и пулярки лоснились жирными боками, мясные пироги возвышались башнями между графинов с настойками и бутылок тёмного стекла с драгоценным старинным вином. Семья и гости перекусывали после ужина, поскольку ничто так не способствует умственной деятельности, как вкусная трапеза.

— Так значит, этот эльфеньш все-таки встал на пути моей бусинки, — глава семейства кинул взгляд в окно столовой на светящиеся в глубине соседнего сада окна особняка Вудхаусов и положил себе ломоть ветчины — ароматной, со слезой. Ломоть свешивался с обоих концов тарелки, как одеяло с узкой кушетки. — Ничего, дочь моя, папа Горни все сделает как нужно. Говоришь, тебе нужно придумать ему испытание? Да еще и государственной важности? Да кто же знает больше о государственной важности, чем гномы? — он захохотал, и родня поддержала его смехом и выкриками, а матушка одобрительно похлопала по спине.

— Папа, я сама справлюсь, — попыталась утихомирить родителя Эбигейл. Она очень любила отца, но его забота иногда принимала чрезмерные формы. Как тогда, когда он отправил Вудхауса в Гнилые топи, например.

— Ша, дочь моя, кому, как не родным, тебе помочь, — отрезал отец и тут же умилился: — Как ты сверкаешь глазками! Как играет в тебе боевой дух наших предков!

Эби, чтобы успокоиться, скатала в трубочку бронзовое блюдо из-под перепелок и покорно кивнула.

— Скажи-ка нам, моя бусинка, что больше всего не по вкусу этому Вудхаусу?

— Больше всего он, как и все эльфы, не любит нежить и эманации некромагии, но у него просто какой-то нездоровый страх. — Эби, смиряясь, отбросила бронзовый рулончик, откусила от фазаньей ножки, прожевала. Подумала,

полила ножку клюквенным соусом и откусила ещё, а затем забросила в рот чарку маменькиного травяного безалкогольного настоя. Пусть гномы гордились умением пить, не пьянея, а эльфы считали, что они в этом лучше, но сама Эбигейл от алкоголя чрезмерно веселела и начинала болтать чушь. — Но чего он совсем не терпит — это малейшего пятнышка грязи. Да что там, — немного преувеличила она, — несчастную пылинку увидит и трясет манжетами так, словно кисель взбивает.

Гости за столом одобрительно захохотали и потребовали продолжать. Ни одно гномское застолье не обходилось без долгих историй, и Эбигейл очень польстило, что на этот раз ее выбрали рассказчиком.

— Представляете, — Эби обвела всех взглядом. — Приходит в лабораторию и начинает реторты на свет проверять, пробирки, стол осматривает, словно боится, что на нём блохастая собака ночевала. А как он в дождь до жеребца идёт? Вышагивает, как танцовщица, — она продемонстрировала Натову походку с помощью вилки и фазаньей кости.

На самом деле Вудхаус ходил грациозно и плавно, засмотреться можно было. И грязи он не то чтобы избегал. Просто лицом серел и начинал чесаться. Но для красного словца можно было и преувеличить, особенно когда гости и родные так смеются.

— Но самое смешное случилось на втором курсе, в Академическом переулке, — таинственно начала Эби.

— Это который между академической библиотекой и ристалищем? Где стены так близко, что не разъехаться двум всадникам? — уточнил папа Горни. — Я слышал, так сделали, чтобы академия могла обороняться от любой армии.

— Именно он, — кивнула Эби, принимая из рук мамы Горни еще одну чарку с настоем. — На втором курсе я сидела в библиотеке и услышала на улице ржание коня Белоручки, Серебряного копытца.

— Но как ты его узнала? — насторожился папа Горни.

— Папа, как будто ты не знаешь, что эльфийские кони ржут, как поют, и каждый на свой манер, — укоризненно сказала Эбигейл. — Это наши издают звуки, сравнимые с боевым горном!

— Оттого мы и Горни! — воскликнул папа, и все выпили.

— Я выглянула в окно, а внизу едет Вудхаус. Конь сверкает от чистоты, в седло и подковы можно смотреться — так блестят, сам эльф одет с иголочки, — она горделиво выпрямилась, под всеобщий смех продемонстрировав, как Вудхаус держит уздечку, высокомерно подняла подбородок, стараясь не думать, что она сама на коне бы скорчилась и вцепилась в гриву, зажмурив глаза. — И плащ так ниспадает с лошадиного крупа и развевается, — пополоскала рукой. — Ступает по переулку как по облакам, лужи на земле объезжает. А знаете, как он говорит наше гномское «Тпру-у!»?

Все затаили дыхание.

— «Тпрррррррю!» — манерно пропищала Эби, и все захохотали.

— Клятые эльфы, — утирая слезы, проговорил папа Горни. — «Тпрррррррю!», вот это да! Это ж таки надо так наш гномский язык исковеркать!..

— И кто же виноват, что по грязи в этот самый момент решила проползти змея? Единственное, чего боятся эльфийские жеребцы. Я-то точно не виновата! — смешливо добавила Эби.

Присутствующие давно перестали есть, потому что боялись подавиться.

— И что же, конь взбрыкнул? — догадался Флоин.

— Еще как, — потупилась Эбигейл. — И Вудхаус свалился прямо в лужу! Не пострадал, конечно, эльфы ведь как кошки гибкие. Но извоzilся с ног до головы! Встал, посмотрел на себя — и начал ругаться так, что я и в шахтах дяди Урюписа такого не слышала. Ругается и чешется, ругается и чешется!

— Ну не придумывай, дочка, никто не переругает дядю Урюписа, — благодушно проговорил папа Горни. — Разве что твоя мама ухитрилась, когда я по недосмотру сломал ее любимый молот.

Агнэс Горни, мама Эби и сестра вышеупомянутого Урюписа, потупилась, запунцовела и похлопала мужа по плечу широкой рукой.

— Рассказывай дальше, дочь, — велел папа.

— А затем Вудхаус взял и от злости замостил переулок брусчаткой, просто переформи-

ровав землю, — продолжила Эби. — Столько энергии вбухал, только чтобы больше не испачкаться! Он после этого, наверное, неделю чесался и месяц слабее котенка был.

Гномы переглянулись со смешанным чувством. Работать с землей и её недрами было извечной привилегией их народа, вот и коньком Эбигейл была работа с камнем. А тут какой-то вялый эльф из земли булыжник сотворил. Чтобы избавиться от лёгкого флёра уважения к эльфам, папа Горни скомандовал:

— Давай, дочь, говори. Ты ведь сбила с него спесь?

Эби с готовностью кивнула.

— Я ведь девочка жалостливая, добрая... — она победно оглядела гостей.

— Мы, Горни, вообще сама доброта, — подтвердил папа. — Если не трогать наши бороды, молоты...

— Дома, детей, — выкрикнул кто-то.

— Привычки, голос, смех, кузницы... — охотно поддержали тему.

— И смотреть мимо нас, — завершил папа. — И дышать через раз. Так как ты его пожалела, дочка?

— Я подошла к нему и сказала, что знаю верное средство от нервной чесотки.

— И что он? — спросила мама, которая слушала рассказ с легким, несвойственным ей беспокойством.

— Спросил, что за средство, — хихикая, продолжила Эби.

Гости затаили дыхание.

— И что ты ответила? — поторопил папа.

— «Грязевые ванны!» — выдавила из себя Эбигейл, сгибаясь от смеха, и гости вторили ей хохотом. Гномы неаристократично хрюкали, гыгыкали, поддывали, вытирая слёзы салфетками и обмахиваясь. Их племени, по легенде созданному из каменной пыли, любая грязь была ни-почем.

— Так, значит, Вудхаус не любит ручки пачкать, — отсмеявшись и пополнив потраченную энергию половиной гуся, некоторым количеством сочных шницелей и хорошим глотком крепчайшей настойки, лерд Горни вернулся к делам. — И иметь дело с нежитью. Ничего, бусинка, с этой информацией таки можно работать.

— Жаль, что в нашем благословенном королевстве нет достаточно непроходимых грязных болот, зловонных трупоб или пыльных-препыльных подземелий, в которых Белоручка может как следует испачкаться, — вздохнула Эбигейл и бросила взгляд на соседний особняк. — С теми, что есть, он, увы, легко справится.

— А склепы на старом кладбище? — подал голос мамин кузен Гаррис. Родственники здесь вообще были только мамыны, потому что дед с бабушкой Горни уехали в горы, а папа, конечно, был единственным сыном.

— Я вас умоляю! Да там покойники тихие и вообще скука смертная, — небрежно махнула рукой тетушка Мэрин. — Мы в детстве обожали

забираться туда в полнолуние — всё надеялись встретить вурдалака.

Дядюшка Вёрнис, муж тетушки Мэрин, мечтательно зажмурился — видимо, жалел, что тетушке в юности не встретился-таки вожде-ленный вурдалак. А может, думал, что встретился, но недокусал — и тетушка теперь сосала дядюшкину кровь каждый день.

— Склепы, говоришь? — папа Горни одобри-тельно прищурился. — А как насчёт древних городских катакомб? Дэррик, тебе вроде докла-дывали, что в катакомбах пошаливать начали, нечисть там объявилась, так?

— Местные жители, что ближе к провалам живут, жалуются, что нечисто там, — подтвер-дил майор Кёнзи. Он служил в королевской гвардии, а полковник Горни, бывший кузне-цом-механиком, больше работал по инженер-но-артиллерийской части. Что, впрочем, не мешало ему быть в курсе всех новостей благодаря обширным связям.

— Ты прав, кузен, — крикнул с другого конца стола дядюшка Прэстон. — Там нечисто! И даже шибко грязно! Самое место, чтобы от-править туда этого чистоплюя!

Эби поморщилась — на мгновение ей ста-ло жаль Вудхауса. Но это недостойное верной дщери рода Горни чувство было быстро смы-то дружной боевой песней, которую затянули гномы и которая наверняка доносилась до со-седей напротив, показывая, как велик гномий боевой дух. Правда, через некоторое время в песню стали вмешиваться мелодичные звуки

какого-то струнного инструмента и торжественное эльфийское пение — что лишь подзадорило гномов орать громче.

В доме Вудхаусов тоже совещались, стараясь не обращать внимания на завывания и хохот, доносящиеся из дома заклятых врагов. В гостиной, достойно украшенной и изысканно убранной, благоухающей нежными цветочными и травяными ароматами, под кофе, коньяк и ликёры Натаниэль рассказывал родным и приближенным к роду о привычках и склонностях этой выскочки Горни.

— Не глупа, но импульсивна, способности выше среднего, конечно, но меньше моих, обладает незаурядной физической силой, что неудивительно — она ведь работает в кузнице и гнет подковы, — несколько эльфийских леди на этих словах приоткрыли рты, прижали руки к груди, а к носам — платочки, и закатили глаза, как будто Нат сказал что-то неприличное. — Боится лошадей и высоты.

Гости и семья презрительно поморщились.

— Леди нашего круга должна прекрасно держаться в седле, — высокомерно процедила леди Никоэль.

— Она дочь аристократа, — Натаниэль пожал плечами: мол, этот факт нельзя отрицать, но что есть, то есть. — Однако в её воспитании, видимо, допущен досадный пробел.

— И значительный, — подтверждающе кивнула леди Петуния. — Непростительный промах её родителей, я бы сказала.

— Что касается её второй фобии, то она, мало того, что доставляет много неудобств, так ещё и сказывается на выполнении ею обязанностей, — продолжил Нат.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — осторожно возразила матушка, леди Элинóр, и тут же оправдалась под недоуменным взглядом отца: — Нельзя недооценивать противника, милый. Я слышала, магистр не так уж плохо о ней отзывался.

— Я поделюсь одним случаем, а вы судите сами, — Натаниэль беззвучно поставил чашечку на стол, взял рюмку с ликёром, пригубил. — Это случилось год назад. В Кемской провинции какой-то залётный маг-недоучка бойко торговал поддельными амулетами и фальшивыми зельями, хорошо, что достаточно безобидными. Разве что, — решил он добавить пикантности в рассказ, дабы разбавить излишне серьёзный вечер, — неверная жена одного галантерейщика купила парные перстни, якобы заговорённые на невидимость, и принимала любовника прямо в задней комнатке за лавкой, будучи абсолютно уверенной, что их никто не видит. Однако перстни оказались синской подделкой и перестали действовать через пять минут. Их увидели и услышали. Был страшный скандал.

(Вудхаус-младший, как истинный аристократ, не мог повторить в дамском обществе некоторые горячие подробности. Любовник попытался сбежать через чердачный лаз, но застрял. Мстительный муж познакомил длинную деревянную линейку, которой отмерял ткани,

с некоторыми частями тела соблазнителя, а жену даже не выгнал, только плюнул с досады: «Нет, знал же, что на дура женился, но чтоб на такой!»)

— И торговал бы этот мошенник себе дальше, если бы не вздумалось ему продавать туфельки, которые, будучи надетыми на ногу, привораживали суженого, только назови его имя. Случился ажиотаж, но вот беда — все дамы желали в суженые принцев, не меньше. После того как у дворца ее величества выстроилась очередь из невест принцев с требованием выдать им хотя бы одного на всех, королева приказала придворному магу срочно решить это... недоразумение, найти мошенника, а также найти и изъять все остальные туфельки. Сам Корнелиус, естественно, не стал бы этим заниматься, а лучшая по амулетам и их обезвреживанию у нас Горни, — неохотно признал Вудхаус. — Поэтому ее и решили отправить в Кемс.

— И что? — поторопила одна из леди.

— А то, что в Кемс до поры до времени был один путь — три дня по железной дороге. Не тратить же на пустяковое дело драгоценный телепорт-амулет! Но я подсказал магистру третий путь — на дирижабле, которые, как вы помните, прошлой весной только-только начали совершать рейсы из столицы в разные города.

Присутствующие понимающе и восхищенно заулыбались. Тонкий момент нарушил только взрыв смеха, донесшийся из дома напротив.

— Несколько часов, и ты в Кемсе, — продолжил Натаниэль. — О, как красноречива

была эта несносная леди, когда узнала, что ей придется лететь! Но магистр был непреклонен: королева очень гневалась. И тогда я предложил сопровождать Горни под предлогом, что помогу справиться со страхом. Да и молодой леди неприлично путешествовать одной.

— Ты нисколько не погрешил против истины, мой мальчик, — кивнул отец, лерд Триггвиэль Вудхаус. — Несмотря на новомодные веяния, твоим двоюродным сестрам и в голову бы не пришла такая крамольная мысль.

— Наши девочки воспитаны настоящими леди, — подчеркнула сестра леди Вудхаус.

— Но на самом деле я просто не мог пропустить это зрелище, — объяснил Натаниэль. — Сейчас вы поймете, почему.

Слуга предложил ему свежего кофе и зефир, и некоторое время Вудхаус попивал из тонкостенной чашечки. Собеседники вежливо ждали, в свою очередь наслаждаясь прекрасным напитком.

— Лично меня вид дирижабля заворожил: какая мощь, какая сила технически-магического прогресса! Горни же смотрела на приближающийся аппарат, как мышь, ослепленная фонарём. Она вцепилась в перила с такой силой, что едва не оторвала поручни, и взбиралась по трапу четверть часа, не меньше, еле-еле переставляя ноги. В гондоле села спиной к окну и пристегнулась, хотя до отлёта был ещё час, и так и сидела до самого взлёта. Когда заработали моторы, я посмотрел на неё и был поражён — никогда не видел у людей таких глаз.

У Горни они и так большие, а тут стали вообще больше лица и всё расширялись. Я было собрался ей посочувствовать, но тут дирижабль стал подниматься в воздух и леди начала визжать — сначала почти не слышно, а потом всё громче и громче. Эти звуки сносили всё на своём пути. Примчался стюард, потом помощник капитана, потом сам капитан. Они развели вокруг неё такую суету, умоляя успокоиться и замолчать, но, кажется, это давало только обратный эффект.

Натаниэль ни за что бы не признался, что тогда ему стало жаль несносную гномку, а идея подшутить и помочь преодолеть ее страх оказалась совершенно дурацкой. Сейчас он, конечно, всем своим видом показывал, как ему был неприятен этот спектакль, а присутствующие всеми фибрами организмов выражали сочувствие. Не Эбигейл, а ему, бедняжке, конечно.

А еще ему подумалось, что он прекрасно понимает фобии, и ему бы не хотелось, чтобы его так же высмеивали.

— В конце концов, когда дирижабль почти поднялся, она бросилась к выходу и с воплем попыталась выломать его походным молотом, — уже с неохотой завершил он. — Пришлось ее усыпить до самого Кемса. Остаток дня она была абсолютно не работоспособна, и нам пришлось задержаться в городе.

— Паника, потеря ориентации и работоспособности, — подвёл черту Триггвиэль Вудхаус. — И всё это от комфортабельного полёта! Прибавьте к этому гиппофобию и что в сум-

ме? — он посмотрел на всех с превосходством первого ученика.

— Что? — Натаниэль действительно не понимал. Через секунду до него дошло. — Пегасы?

— В точку, сын! Ты говорил, что волосы из их грив используются для изготовления амулетов подъёма в воздух дирижаблей?

— Да, но их очень сложно получить, эти волосы. Как вы знаете, пегасы полуразумные существа со странным чувством собственной важности, они не слишком охотно контактируют с любыми другими расами. Каждый раз, отправляясь в их долину, маги гадают, что выкинут эти крылатые лошадки, какое испытание взбрѣдет им в голову. Но одно неизменно — нужно совершить полѣт на одном из них ради признания членом их племени, потому что делиться драгоценными волосами из гривы с чужаками они, видите ли, не могут.

— Вот и предложи королеве отправить к ним Горни, — лерд Вудхаус тонко улыбнулся. — А не выпить ли нам игристого по этому поводу? А затем, — он недовольно покосился на окно, которое не защищало от завываний из луженых глоток соседей, — сыграешь нам на арфе, мой сын, моя гордость? Давненько мы не пели наших родовых гимнов.

— С удовольствием, — тоскливо ответил Натаниэль и накинул еще рюмочку ликера.